

А. В. Ремнев

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ «СИБИРЯК»: РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ XIX в.¹

Если Европа «изобрела» Америку,
то России пришлось «изобретать» Сибирь.
Ф. Бродель

Ключевые слова: Сибирь, социокультурная идентичность, областничество, региональное самосознание

«Национальность» № 263

¹ Статья подготовлена в ходе реализации проекта «Миграции и диаспоры в социокультурном, экономическом и политическом пространстве Сибири, XIX — начало XXI века», осуществляемого на базе научно-образовательного центра Межрегионального института общественных наук при Иркутском государственном университете (НОЦ МИОН при ИГУ) в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг. (государственный контракт № 02.740.11.0347) и программы институционального развития НОЦ МИОН при ИГУ.

Недавно закончившаяся перепись населения Российской Федерации вновь привлекла внимание к номенклатуре национальностей, актуализировав вопрос об идентичности сибиряков. Разговоры о сибирском (русско-сибирском) субэтнотипе как особой историко-культурной общности вышли за пределы узкого круга этнографов и социологов, приобретя широкое общественно-политическое звучание. И хотя на этот раз, в отличие от переписи 2002 г., официально установленный перечень «национальностей» допускал самоназвание «сибиряк», которому был присвоен кодовый номер 263, переписчики явно старались помешать его использованию. Дело в том, что в случае значительного числа записавшихся Росстату пришлось бы констатировать наличие такой «национальности». Патриотически настроенные русофилы, охваченные фобией «сибирского сепаратизма», забили тревогу о «дроблении» русской нации, а некоторые ученые поспешили вынести вердикт, что никакой «сибирской нации» нет и быть не может и речь идет лишь о «творческом сумасбродстве» или «провокации». Между тем, несмотря на размытость самого понятия «сибиряки» (если к ним не относить всех родившихся или проживших длительное время в Сибири), этносоциологи продолжают фиксировать рост сибирского регионального самосознания и устойчивые отличия русских Сибири от русских Европейской России².

Как справедливо отмечает директор Института этнологии и антропологии РАН В.А.Тишков, возможна множественная этническая идентификация, когда отдельные группы населения осознают свое отличие от «основных» народов³. И действительно, в Сибири и на Дальнем Востоке уже давно идет стихийный процесс консолидации славянского (и не только славянского) населения в «большую российскую нацию» с особой региональной идентичностью.

² Жигунова 2006:
35—40.

³ Тишков б.г.

⁴ Сверкунова 2002.

⁵ Галактионова
2009: 56.

⁶ Хилл, Гэдди 2007.
В оригинале название книги звучит
гораздо резче:
«Siberian Curse».

Живущие в Зауралье украинцы и белорусы довольно долго сохраняли свой язык и элементы бытовой культуры. Однако, оказавшись вдали от своих традиционных национальных центров и фактически без национальной интеллигенции, рассеянными (даже если проживали в отдельных поселениях) среди выходцев из великорусских губерний, сибирских старожилов, сибирских и дальневосточных народов, они постепенно перенимали их культуру, демонстрируя большую, чем на исторической родине, этническую и конфессиональную толерантность в сочетании с приверженностью идее общерусской нации. Сходные процессы разворачивались и среди других этнических групп, способствуя формированию сибирской территориальной идентичности, получившей широкое распространение среди населения Сибири⁴. Автору неоднократно приходилось слышать с высоких трибун консолидирующий призыв: «Конечно, мы люди разных национальностей, но прежде всего мы — сибиряки». Бренд «Сибирь» активно используется на всем пространстве к востоку от Урала, напоминая о себе ярлыками товаров, названиями спортивных команд и бизнес-структур. Особое геополитическое, экономическое и социокультурное качество и значение Сибири стало устойчивым стереотипом в СМИ и вошло во множество социокультурных конструктов. И уже сама губернаторская власть позиционирует себя в качестве творца и активного покровителя региональной идентичности⁵. Так, к примеру, в Красноярске при поддержке местной администрации выходит альманах «Национальность — сибиряк», в Омске уже несколько лет существует телевизионная программа «Национальный характер», а в Москве еще не так давно с некоторой опаской взирали на деятельность «Сибирского соглашения».

Вместе с тем самоидентификация многих жителей Сибири как «сибиряков» не обязательно подразумевает отказ от «природной» этничности, что приводит к появлению составных определений: «коренной сибиряк», «сибирский казак», «сибирский татарин» или «сибирский немец». Никто и никогда не претендовал на трактовку сибиряков в качестве особой нации, как ее понимает современная этносоциология. За призывами записываться «сибиряками» крылось не столько стремление разбудить самосознание местного населения, сколько желание дать сигнал центру, что он проводит в отношении Сибири неадекватную политику. Большую обеспокоенность у сибиряков вызывает преимущественно ресурсное восприятие Сибири, «забвение» ее интересов и рассуждения экономистов, в том числе зарубежных, об «избыточности» населения за Уралом, о сибирском «бремени» или даже «проклятье» для России в ее прошлом и настоящем⁶.

Стихийное недовольство политикой Москвы может придать территориальной идентичности сибиряков определенный политический смысл и отразиться на электоральном поведении. Однако периодически возрождаемый колониальный дискурс никогда не представлял, не представляет, да и едва ли будет представлять в будущем серьезную политическую опасность. А иногда звучащие предостережения: «Кто

⁷ Полежаев 1994: 65.

может нам гарантировать, что спящий до поры, а на самом деле чрезвычайно присущий русскому народу дух смутьянства и авантюризма не будет до беспредела раздут тут, в Сибири? Что зерна сепаратизма не дадут вдруг на сибирской суровой почве пышные всходы?»⁷ — суть не более чем пропагандистский ход в борьбе между центральными и сибирскими управленческими и бизнес-элитами.

Вопрос о месте и роли Сибири в составе России имеет длительную историческую традицию, и вряд ли его можно решить, опираясь на понятия «колония» и «метрополия», за которыми, помимо не вполне внятных социально-экономических характеристик, тянется длинный шлейф эмоциональных оценок. Не случайно В.А.Ламин и Д.Я.Резун вынуждены констатировать: «Специалисты по истории и экономике Сибири до настоящего времени не определились, что такое есть эта громадная страна: колония, или колонизируемая территория, или неотделимая часть неделимой России»⁸. Отказавшись от неясной по смыслу ленинской категории «колония в экономическом смысле», современное сибиреведение предпочитает оперировать терминами «фронтир», «сибирский плавильный котел» и даже «Дикий Восток»⁹, настаивая на типологическом сходстве американского и сибирского опыта. Теории *внутренней колонизации*¹⁰ противостоит более жесткая концепция *внутреннего колониализма*¹¹, у которой, видимо, есть если не научное, то политическое будущее. Периферийная экономическая зависимость, социальная и культурная приниженность Сибири, незавершенность интеграционных процессов в условиях неравенства территорий могут стать почвой для протестных настроений и стимулировать территориальную солидарность, подкрепленную культурной самобытностью. Региональная идентичность все еще открыта для конструирования, и политические и общественные акторы, ища ответы на вызовы современности, взыскуют «своей» истории и культуры, пытаются найти надлежащие нарративы.

⁸ Ламин, Резун 1998: 22.

⁹ Агеев 1997; Сибирский 2004; Резун, Шиловский 2005; Stolberg (ed.) 2005.

¹⁰ Эткин 2002.

¹¹ Хечтер 2000. Понятие «внутренний колониализм» используется и для описания отношений между центром и регионами в современной России (см., напр. Родман 1996; Фадеичева 2007).

Сибирское «областничество» и современные конструктивистские интерпретации

¹² Ремнев 2004; Сибирь 2007; Шиловский 2008.

¹³ Дело 2002. См. также: Ядринцев 2000; Сватиков 1930; Вуд 1998; Верхотуров 2009; Watrous 1993 и др.

К какому историческому опыту апеллируют современные политики и аналитики, каковы истоки подобных региональных настроений и сепаратистских фобий? Прежде всего речь идет о своеобразном общественном движении второй половины XIX — начала XX в., получившем название «сибирское областничество», идеологи которого Н.М.Ядринцев и Г.Н.Потанин предложили трактовку Сибири как колонии Российской империи¹². На начальной стадии молодые сибирские активисты выступали даже с сепаратистскими лозунгами, но позднее отказались от них в пользу регионализма и федерализма¹³. Какой же исторический и символический ресурс был задействован областниками для мобилизации сибирского населения и продвижения своих идей?

Конструктивистские теории национализма Э.Геллнера, Э.Хобсбаума и Б.Андерсона дают возможность посмотреть на сибирский областнический проект как на нереализованную попытку осуществить идею

«сибирского народа», стремление «вообразить» его как влиятельную региональную общность поверх сословных и этнических границ. Историко-географическое пространство, которое, как подчеркивает П.Бурдые, не имеет жестких критериев, способных «подтвердить „естественные“ классификации, основанные на „естественных“ регионах, разделенных „естественными“ границами», могло быть закреплено в народном сознании как территориальная характеристика населения, наделенного определенными качествами¹⁴. «Территория „национализируется“ с помощью истории, которую „открывают“ интеллектуалы. Сама по себе „территория“ — ничто, лишь человеческая вера и страсть придают ей смысл. Никто не станет откликаться на призывы к солидарности, пока они не будут внятно истолкованы»¹⁵.

¹⁴ Бурдые 2002: 52.

¹⁵ Баберовски 2004: 326.

При осмыслении процесса становления региональной идентичности в известной мере могут быть полезны выделенные М.Хрохом фазы развития национального движения: от стихийно формируемого регионального самосознания и местного патриотизма через политическую актуализацию и теоретическое конструирование местными интеллектуалами (политиками, общественными деятелями, учеными) региональной социокультурной идентичности к выдвигению идей административно-хозяйственной автономии и даже государственного сепаратизма¹⁶. Таким образом, упор должен делаться не на сам «сибирский народ», а на его «изобретателей», тех, кто, как писал П.Чаттерджи, «воображал» новую идентичность, придавая ей не только культурное, но и политическое значение¹⁷.

¹⁶ Хрох 2000: 15.

¹⁷ Чаттерджи 2002.

Но чтобы такое конструирование увенчалось успехом, требовался соответствующий материал, взятый из действительности. Иначе говоря, мало было «вообразить» «сибирский народ», надо было отыскать в сибирских реалиях те элементы, которые появились стихийно, но еще не осознаны жителями Сибири как региональная специфика, способная отделить их от «других» и объединить со «своими». Более того, поскольку в условиях Сибири «другие» (а ими были как русские из Европейской России, так и «коренные» сибирские народы) не воспринимались как «чужие», необходимо было найти разумный компромисс на этом поле разных идентичностей, не разрушая их совсем. Поэтому во главу своей концепции областники поставили территорию, которая в их презентациях представляла некоей качественной сущностью, менявшей людей, переселившихся сюда.

Несмотря на то что название «сибиряки» известно уже с XVII столетия, у старожилов долгое время не возникало потребности отделять себя от новоселов. До начала массового переселения в Сибирь о связи с Европейской Россией сибирскому крестьянину напоминало преимущественно «нашествие» ссыльных. «Инаковость» сибиряков бросалась в глаза прежде всего приезжим и слабо ощущалась ими самими. Современные этнографы отмечают, что понятия «старожил» и «сибиряк», по всей видимости, были привнесены в народную среду «сверху» (чиновниками и публицистами), а затем уже прижились и стали самоназвани-

¹⁸ Новоселова 2000: 89—90; Бережнова 2007: 147.

¹⁹ Цит. по: Савельева 2005: 191.

²⁰ Потанин 1907: 8.

²¹ Там же: 11.

²² Анисимов 2004: 65—66.

²³ Подробнее см. Ремнев, Суворова 2010.

²⁴ См. Родигина 2006.

²⁵ Анисимов 2009.

ями местных русских жителей¹⁸. Вместе с тем даже в 1860-е годы слово «сибиряк» нельзя было отнести к общеупотребимым, на что обратил внимание один из наблюдателей: «Скажите здешнему крестьянину, что он „русский“, это его не удивит, но назовите его сибиряком — он выслушает такое себе название, как будто новое для него, он при этом названии остановится разве что на размышлении, что он действительно сибиряк, и, пожалуй, с гордостью подумает: „хорошо, что он сибиряк, а не ссыльный“¹⁹. Особую сословную идентичность сохраняли казаки, ревниво относившиеся к смешению их не только с «сибиряками», но и со «старожилами».

Обособление сибирского крестьянства, как отмечал Потанин, базировалось именно на территориальной оторванности: «Сибирь представляет территориальную приставку к европейской России с востока, и сибирское население не могло не чувствовать, что оно живет вдали от остального русского мира»²⁰. Но чтобы на этой основе возникла особая идентичность, должна была появиться собственная сибирская интеллигенция. «Каждая область, — провозглашал Потанин, — должна иметь интеллигенцию, которая обязана служить местному населению»²¹.

Эту роль взяли на себя сибирские писатели и публицисты, ставшие первыми «активистами» Сибири. Уже в первой половине XIX столетия происходит своеобразный взрыв исторического и художественно-литературного интереса к Зауралью. Интеллектуальное освоение сибирских территорий означало не только приращение естественнонаучного и исторического знания, но и формирование устойчивых стереотипов, своего рода «поэтической формулы» Сибири²². Выходивший из-под пера сибирских писателей образ Сибири был лишен однозначно отрицательных коннотаций с традиционными стереотипами в отношении ее природы, климата и, главное, жителей. В «воображении» Сибири крестьянин-старожил, сохранивший лучшие качества русского человека и одновременно обретший новые, порожденные самой Сибирью, заметно потеснил инородца. Декабристам, а затем и ссыльным народникам Сибирь с ее населением, не знавшим крепостного права, поначалу казалась землей обетованной, где они могли обрести свободного русского крестьянина, в полной мере обладавшего «землей и волей». И не важно, что сибирская действительность заставила их во многом разочароваться и сибиряк оказался далек от рисуемого образа. Гораздо важнее, что тем самым было положено начало формированию колониационного проекта «обрусения» Сибири, в котором реальность причудливо сочеталась с романтической эстетикой, народническими идеалами и даже консервативной формулой «единой и неделимой» России²³. Из страны «незнаемой» и «виноватой», места ссылки и каторги, Сибирь все больше превращалась в привлекательный и богатый край²⁴. По меткому замечанию современного исследователя сибирской литературы К.В.Анисимова, в первой трети XIX в. Сибирь заметно «потеплела» и даже стала «выравниваться» с остальной Россией, включаясь в единое с ней пространство²⁵. Сибирская этнографическая экзотика уходила на второй план,

и главным объектом наблюдения становились русские сибиряки, все больше удивлявшие своей непохожестью на жителей Центральной России.

**Сибирское
областничество:
от чувства
патриотизма
к политической
программе**

В 1860-х годах нарождавшаяся сибирская интеллигенция выдвинула альтернативный проект, задействовав в дополнение к установке на «обрусение» колониальные и национальные концепции и создав на их основе собственную оригинальную теорию. Основой областничества стал стихийно пробуждавшийся в сибирском обществе местный патриотизм, эмоциональное восприятие различных проявлений неравноправия в отношении центра и окраины. Значительное воздействие на областников оказали народнические идеи А.И.Герцена и Н.Г.Чернышевского, анархо-федералистские представления М.А.Бакунина, земско-областная теория А.П.Щапова, исторические сочинения Н.И.Костомарова, украинофильские концепции М.П.Драгоманова и вольнолюбивая поэзия Т.Г.Шевченко²⁶. Дистанцировавшись от польского национализма, сибирские областники с явным интересом наблюдали за украинофилами, будучи связаны с ними как типологически, так и на уровне личных симпатий, ибо не усматривали в них сепаратистских устремлений и сочувственно относились к их аполитичности²⁷. Не могли не взволновать их и казачья культурная самобытность, а также традиции и новации земского самоуправления.

В то же время толчок к осознанию будущими областниками неравноправного положения Сибири в составе Российской империи дали скорее западные социальные идеи и колониальный опыт. В 1865 г. на следствии в Омске Потанин прямо заявил, что мысль об отделении Сибири проистекала из аналогии с историей английских, французских и испанских колоний в Америке²⁸. Позднее он вспоминал о впечатлении, которое произвела на него статья ориенталиста И.Н.Березина о колониях, опирающаяся, в свою очередь, на книгу немецкого экономиста В.Рошера²⁹. Список западных авторов, чьи имена рассыпаны по сочинениям и письмам теоретиков областничества, весьма внушительен: П.-Ж.Прудон, Л.Блан, А.Сен-Симон, Г.-Ч.Кэри, К.Маркс, В.Рошер, А.Леруа-Болье³⁰. Со страниц газет и журналов Ядринцев и его единомышленники доказывали, что в Сибири, как и в Америке или Австралии, нет аристократии и жестко разделенных сословий, все чувствуют себя равноправными. И пусть, как и янки, сибиряк грубоват, недостаточно образован, зато в нем развито чувство собственного достоинства и предприимчивости³¹. Упоминали они и о сибирских старообрядцах, как бы проводя аналогию с английскими пуританами, заселявшими Виргинию. Сибирский крестьянин не заражен суевериями и предрассудками, более восприимчив к нововведениям и даже стремится перенять городскую моду в одежде и быту. И это, не забывал напомнить Ядринцев, черта всех колоний. Даже «понижение русской расы» вследствие смешения с сибирскими аборигенами трактовалось им

²⁶ Шиловский 2008: 23—37.

²⁷ Колосов 1916.

²⁸ Дело 2002: 171.

²⁹ Потанин 1983: 80.

³⁰ Ремнев 1997.

³¹ Ядринцев 1884.

как разновидность процесса метизации, происходившего в Латинской Америке³².

³² Там же.

Интересовались областники и положением провинции в Европе, прежде всего во Франции, Англии и Швейцарии. Ядринцев посвятил этой теме специальную статью «Судьбы провинции и провинциальный вопрос во Франции»³³. Западный опыт, в первую очередь опыт Северной Америки, отвращал их от абсолютизации многих обвинений в адрес метрополии. Они понимали, что, как и любой естественный организм, страна должна пройти определенные стадии развития. Под углом зрения «общеисторического прогресса» подходили они и к вопросам, встававшим в Сибири, в частности к вопросу о вымирании аборигенов. Отмечая, что хозяйственное освоение края неизбежно сопряжено с распространением болезней, смертельных для коренных народов, упадком традиционного хозяйства, «психическими потрясениями и гнетущими аффектами» и эти негативные последствия следует по возможности минимизировать, они вместе с тем были убеждены, что, если «инородец стоит... поперек дороги и не сдастся, колонист не виноват»³⁴.

³³ Сборник 1919.

³⁴ Письма 1918: 86.

³⁵ Письма 1987: 49, 70.

³⁶ Письма 1918: 210.

³⁷ Подробнее см. Ремнев 1993.

Областники стремились найти формулу соединения сибирского патриотизма с общечеловеческим стремлением к свободе и справедливости. Вот почему им одинаково претил как самодержавный, так и революционный централизм. Политические ссыльные, вклад которых в культурное развитие Сибири областники, безусловно, признавали, попали под подозрение как деятели, разлагающие единство сибирского общества. Даже административная обособленность региона воспринималась как ценность. Потанин заявлял о необходимости «централизовать Сибирь, раздвоенную... делением» на Западно- и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства, призывал бороться за объединение Сибири, возбуждать чувство общесибирского патриотизма³⁵. О целесообразности замены сибирских генерал-губернаторов «такой же высшей», но «более компетентной инстанцией» писал и Ядринцев³⁶. Сибирь не просто была удаленной частью России, но и пребывала как бы в другом времени: если в центральных регионах страны были осуществлены «великие реформы», то Зауралье осталось в «дореформенном» состоянии. В областническом проекте содержались требования к метрополии: дать Сибири органы самоуправления, открыть там университет, где будет формироваться сибирская интеллигенция, которая останется на родине и будет трудиться на ее благо³⁷. Похоже, для областников было важно не только доказать несправедливость самодержавной политики в отношении Сибири, но подвинуть имперскую власть и российское общество к признанию права Сибири на социокультурную самобытность.

Осуждая колониальную политику по существу, областники вместе с тем не могли игнорировать и ее положительное воздействие. Находясь под влиянием идей эволюции и материального прогресса, они признавали, что без такого «дара модерна» развитие колоний продвигалось бы крайне медленно. Дело, по их мнению, не в колониальной политике

³⁸ Письма 1918: 87.

вообще, а в ее организации и направленности. Ядринцев следующим образом определял вектор своих теоретических поисков: «Из всех отрицательных сторон европейской колонизации я составил положительный идеал колонии и начал отыскивать ее»³⁸. Выявляя аналогии между Сибирью и европейскими колониями, идеолог сибирского областничества явно стремился еще раз напомнить правительству о необходимости удовлетворять нужды колонистов и намекнуть об опасности сепаратизма в случае их забвения.

В глазах областников будущее Сибири было неразрывно связано с индустриальным развитием, которое позволит ей сбросить «мануфактурное иго» Москвы. Во имя промышленного подъема Сибири они готовы были мириться с капитализмом, надеясь соединить организационные и финансовые возможности буржуазии с народными потребностями. Буржуазия Сибири, довольно рано столкнувшись с конкуренцией со стороны предпринимателей и торговцев из Центральной России, постепенно начинала осознавать свою «сибирскость» и сохраняла эту идентификацию даже тогда, когда перебиралась в столичные центры. В конечном счете позиции сибирских деловых людей должны были сомкнуться с позициями интеллигенции, что придавало их экономическим интересам широкий региональный формат и политическое содержание. Это позволяло включить их в сибирский проект, несмотря на преобладание в нем социально-уравнительных тенденций.

Трактовка Сибири как колонии, которую пропагандировали областники, была порождена не только местным патриотизмом и чувством социальной и экономической обделенности, но и демократическими и федералистскими идеями, с которыми основоположники областничества познакомились, обучаясь в Петербурге. Имперская столица стала главным местом встречи новейших идейных течений и стихийного сибирского патриотизма, разогретого обидой на забвение Сибири как правительством, так и российским обществом. Как отмечал один из авторов нереализованного проекта децентрализации России видный имперский чиновник С.Е.Крыжановский, «централизация высшего управления не давала выхода жажде деятельности и порывам честолюбия, накопившимся в среде местных интеллигентных классов, быстро возроставших в численности»³⁹. Раздражала сибиряков и «экзотизация» Сибири. Их возмущали всевозможные небылицы, распространявшиеся «туристами», метеорами пролетавшими через Сибирь и оставлявшими ее «с легким багажом сведений о ней, но зато с громадным самоуверением и бесконечной болтливостью»⁴⁰, а также заполнившие страницы столичных изданий описания путешествий, которые тиражировали «образ» сибиряка как своего рода «культурной аномалии», достойной изучения лишь уголовной антропологией⁴¹. Остро переживали они и факты использования Сибири в качестве «штрафной» и сырьевой колонии, страдающей от московского «мануфактурного ига» и петербургской бюрократической централизации. Именно оказавшись вдали от Сибири, они впервые почувствовали свое единство, организационно наметив-

³⁹ Крыжановский 1993: 16.

⁴⁰ Москвич 1897.

⁴¹ См., в частности, Дедлов 2008.

шееся в рамках сибирских землячеств. Не случайно именно в Петербурге начнет выпускаться первая областническая газета «Восточное обозрение» и появятся общесибирские общественные организации, а в начале XX в. будет действовать сибирская парламентская группа и издаваться журнал «Сибирские вопросы».

Ситуация заметно обострилась в середине XIX столетия, когда под воздействием модернизации, польских событий и зарождения украинифильства власти с подозрением начинают смотреть и на Сибирь. Империя, напуганная национальными движениями на западных окраинах, на Кавказе и в Поволжье, переносила свои страхи и на восточные окраины, где региональное движение находилось еще в самом зачаточном состоянии. Фобия сибирского сепаратизма появилась раньше, чем в самой Сибири начали формироваться автономистские настроения и появилось сибирское областничество⁴². В точности по Андерсону, «государство, словно в зловещем пророческом сновидении, вообразило своих локальных противников... задолго до того, как они обрели свое историческое существование»⁴³.

⁴² Ремнев 2000.

⁴³ Андерсон 2001: 24.

В противовес унификаторским устремлениям центра областники выдвинули сибирскую региональную программу, задействовав для ее реализации классический инструментарий из арсенала западных теорий колониализма и национализма. Они последовательно отстаивали тезис о многообразии России и самого русского народа, предложив альтернативный проект достижения государственного и национального сплочения. «Область — вот девиз, с которым мы выходим среди других органов печати, — заявила газета „Восточное обозрение“ в своем первом, программном выпуске. — Девиз весьма скромный, но, тем не менее, имеющий известное значение в русской народной жизни в момент, когда слова „народность“, „народничество“ и „национальная народная программа“ в политике встречаются все чаще и чаще»⁴⁴. Областники сознавали, какой влиятельной силой являлся современный им национализм, искали с ним компромисс, доказывая, что «русская национальность, дробясь на провинциализмы, опять образует собою новый целый микрокосм», в котором «спаялись» внутренняя неразрывность и внутреннее же разнообразие. В дальнейшем их идеи оформились в проект особой Сибирской областной думы и административно-хозяйственной автономии. Для них важны были не только реформы, но и сама борьба за них, способная пробудить и сплотить сибиряков, воспитать в них привычку к солидарному действию. Особые надежды возлагались ими на земство, которое могло стать институтом защиты интересов местного населения, действующим под лозунгом «Сибирь для сибиряков», чего в условиях интенсивного переселенческого движения за Урал не без оснований опасался П.А.Столыпин, выдвинувший программу «единой и неделимой России». Областники активно пытались навязать российскому обществу колониальный и региональный дискурсы, которые грозили сломать идеологические схемы «национализирующей» империи Романовых.

⁴⁴ Обзор 1882.

**Границы
сибирского
регионализма
и культурные
технологии
конструирования
идентичности**

Областники полностью отдавали себе отчет, что в сибирском «переселенческом обществе» сохраняется дуализм «метаэтнического» русского (русского) самосознания и новой региональной идентичности «сибирства», и не собирались вести с ним борьбу, не подвергая сомнению государственную целостность России. Они хотели консолидировать сибирское общество, где наряду с социальными, сословными, религиозными и этническими расколами присутствовало и деление на «старожилов» и «новоселов», найти эффективное сочетание общероссийского и регионального. Признавая культурное своеобразие русских Сибири, областники никогда не абсолютизировали его в своей программе. Они решительно отвергали все обвинения в попытках обосновать идею особой сибирской нации, основанной на «этнографической клеточке»⁴⁵. «Сибирь в ряду других областей, в которых проявляется стремление к областничеству или автономии, — утверждал Потанин, — выделяется тем, что в ней эта идея не связывалась с национальной идеей. *Основа сибирской идеи чисто территориальная*» (курсив мой. — *А.Р.*). «Разнохарактерные переселенцы в Сибирь, великорусы, малороссы, поляки, принимают в ней общий смешанный тип сибиряка», — пояснял он, а такая обширная страна, как Россия, не может не разделяться на отдельные части, связь между которыми будет всегда сохраняться⁴⁶.

⁴⁵ Зубков и др. 2004: 433.

⁴⁶ Потанин 1907: 96.

⁴⁷ О расовом дискурсе в российской антропологии имперского периода см. Могильнер 2008.

Для обоснования тезиса о наличии особого сибирского характера и особого физического типа сибиряка областники использовали новейшие для того времени достижения физической антропологии⁴⁷. Начав со шаповской идеи «сибирско-русской» народности, они довели толкование «сибирскости» до своеобразного учения об образовании в Сибири особого культурно-антропологического типа и даже «сибирской расы» (подобно тому, как это происходило в Америке). Поэтому они с таким вниманием отслеживали антропологические и этнографические изменения, происходившие с населением Сибири в результате смешанных браков и бытовых заимствований (в пище, одежде, жилище и даже обрядах). Однако расовое смешение приветствовалось ими лишь до тех пор, пока оно оставалось «повышающим», действующим «положительно» на «примитивное мирозерцание» инородцев и не «понижало» физические и культурные способности самих русских. Сближение русских с инородцами, подчеркивал Ядринцев, «может быть наиболее благоприятным для русской расы в виду сохранения ее высоких расовых черт и способностей. В этом случае важен перевес качественный, кроме количественного в русском населении. Без сомнения, сила сохранения расовых и национальных черт обуславливается высотой культуры, умственным развитием и теми средствами, которыми обладает население»⁴⁸. Сходным образом оценивались областниками и бытовые заимствования. Высокий статус «русской расы» в Сибири, считали они, может сохранить просвещение и образование, направленное не только на детей, но и на взрослое население. Но по мере просвещения азиатских народов их культурное влияние на русских будет нарастать, поэто-

⁴⁸ Ядринцев 2000: 58.

⁴⁹ Там же: 57.

му так важно поддержать «русскость» в Сибири «постоянным обновлением и подкреплением высшей расы путем колонизации»⁴⁹.

⁵⁰ Ремнев,
Суворова 2008.

Однако русский «колонизатор» сам нуждался в культуртрегерской заботе, чтобы не «обынородиться» и выполнить свою высокую просвещенческую миссию на Востоке⁵⁰. Невысокий уровень «цивилизованности» русских переселенцев и старожилов хотя и уменьшал дистанцию между ними и местными народами, воспринимался областниками как фактор, чреватый культурной деградацией. Таким образом, иноязычное и иноверческое окружение становилось серьезной проверкой самих русских на национальную устойчивость, приверженность православию, а социокультурная адаптация могла привести не только к смене идентичности, но и утрате антропологических черт русского человека. С одной стороны, это работало на концепцию «сибирского народа», с другой — внушало опасение с «цивилизационной» точки зрения.

⁵¹ Ремнев 2007а.

Процесс «обрусения» Сибири воодушевлял не только русских националистов. Сибирские регионалисты тоже находили в нем свою нишу, но не считали «сибирскость» чем-то переходным или временным на пути к «единой и неделимой» русской (российской) нации⁵¹. Сибирская идентичность была ближе к политическому национальному проекту, нежели к жесткому конструкту этнонации, и сибиряк мог стать одним из областных (региональных) вариантов российской («большой русской») гражданской нации. Конечно, понятие «сибиряк» относилось преимущественно к «русским» (в число которых входили великороссы, малороссы, белорусы и даже некоторые финно-угорские народы), но оно могло стать максимально широким, включив всех жителей Сибири⁵². «Осибирячивание» разных народов (в том числе прибывающих из Европейской России) объективно открывало путь к мягкому вхождению в «русскость», не сопряженному с резкой утратой самобытности. К примеру, «осибирячивание» поляков не обязательно означало их отказ от «польскости» и воспринималось ими как вполне допустимое — куда больший страх вызывала у них перспектива ассимиляции русскими.

⁵² Крих 2007.

Главным в областническом проекте было, как представляется, стремление создать устойчивые горизонтальные связи, скрепив их региональными конструктами и символами поверх этнических границ. Сибирский патриотизм должен был основываться на любви к родному краю, знании его истории, почитании знаковых фигур, наличии своих газет, своей литературы, музыки, живописи, фольклора и т.п. «Искусство, как и наука, — утверждал Потанин, — обязаны служить „скрытым орудием“ для завоевания лучших условий жизни», а сибирский университет и областная дума помогут оформить «аморфную массу и оживить ее, обратить ее в „критически мыслящий“ коллективный организм, управляющий своим собственным прогрессом»⁵³. Сибиряки обзавелись даже собственным гербом, флагом и гимном. Высказывалась идея о введении в школах курса «родиноведения», в котором бы расходящиеся концентрическими кругами располагалось локальное, региональ-

⁵³ Потанин 1908:
287, 292.

⁵⁴ *Письма 1988: 141.* ное (областное) и общероссийское⁵⁴. Областники доказывали, что в Сибири должна быть своя наука (на ниве которой активно трудились они сами). Поэтому они так остро реагировали на централизацию культуры и науки. Их привлекало не только естественнонаучное, но и гуманитарное освоение региона. Незадолго до революции областнически настроенной сибирской интеллигенцией был поставлен вопрос о создании в Томском университете кафедры сибиреведения. С 1908 г. по инициативе сибирских депутатов Государственной думы начало действовать Общество изучения Сибири и улучшения ее быта, в 1909 г. было образовано Томское общество изучения Сибири⁵⁵.

⁵⁵ *Серебренникова 1920; Аблажей 2003.*

Выставки, музеи, пропаганда исторического знания через средства массовой информации, краеведение становились важнейшими каналами воспитания регионального патриотизма. Сибирские областники видели свою задачу в защите культуры, искусства, обычаев всех народов Сибири, включая переселенцев из европейской части России. Им казалось, что «другие» в Сибири не будут отвергнуты русскими, а станут «своими». Они готовы были приветствовать культурное «пробуждение» сибирских народов, надеясь, что формирование общей региональной идентичности позволит преодолеть этнокультурные противоречия. В новом сообществе, считали они, можно будет превзойти не только сословные, но и этнические различия, не устраняя их совсем. Они предлагали альтернативную официальной трактовку колонизации Сибири, в рамках которой Ермак предстал не столько частью, по выражению Ядринцева, имперского мифа «национального могущества и завоеваний», сколько народным сибирским героем⁵⁶. Знаковым событием на этом пути стало празднование 300-летия присоединения Сибири к России. Не случайно именно во время юбилейных торжеств в Петербурге начала издаваться газета «Восточное обозрение», вышел в свет фундаментальный труд Ядринцева «Сибирь как колония» и был установлен так называемый Сибирский день (26 октября), отмечающийся ежегодно⁵⁷.

⁵⁶ *Ремнев 2010.*

⁵⁷ *Ремнев 2007б.*

Деятельность областников была тесным образом связана с культурными процессами в Сибири и имела определяющее значение для формирования таких понятий, как «сибирская литература», «сибирское искусство», «сибирский фольклор». Вместе с тем, в отличие от своих украинских единомышленников, областники не имели планов создать особый «сибирский язык», хотя и обращали внимание на сибирские говоры русских, лексические заимствования и диалекты.

Особое место в пропаганде своих идей они отводили художественной литературе и журналистике. Вопрос о сибирской литературе, как отмечает Анисимов, появился даже раньше, чем сама сибирская литература⁵⁸. Областники страстно желали, чтобы в Сибири возникла «своя оригинальная школа в искусстве, своя литературная школа, своя живопись, своя музыка», свой театр, в котором бы шли пьесы из сибирской жизни⁵⁹. Сибирской, по мнению областников, могла считаться культура, созданная сибиряком, основанная на сибирском материале и посвя-

⁵⁸ *Анисимов 2006: 144.*

⁵⁹ *Потанин, Васильева 2004: 23, 24; Потанин 2008: 145.*

- ⁶⁰ Ядринцев 1980а: 82. шенная Сибири⁶⁰, а помочь в ее становлении должны были сибирские газеты и журналы. «Издание сибирского журнала, — подчеркивал Ядринцев, — теперь бы могло иметь огромное значение и влияние на развитие страны. Создание местной литературы будет зачатком осмысленной жизни и началом умственного развития масс. Местная журналистика будет исследовать нашу страну, разрабатывать ее интересы и укажет то будущее, которое будет состоять не в завоеваниях, как утверждают панегиристы, а в создании цивилизации для своего народа...»⁶¹. В то же время сибирский журнал должен отражать прежде всего «местные интересы», удовлетворять потребность сибиряков в чтении, просвещать их, культивировать «сибирефильство», «преломлять русский народный дух под лучами сибирского солнца»⁶². «Газетный капитализм» становился важным ресурсом региональной мобилизации и консолидации, поэтому областники так стремились иметь свою газету и определять политику других сибирских периодических изданий.
- У сибиряка, с грустью констатировал Ядринцев, «отсутствует историческое чувство», и его фактически надо создавать с нуля. Отрыв сибиряков от «общерусского исторического корня», потеря ими «в воспоминаниях начала своей истории» беспокоили областников, но вместе с тем открывали новое поприще для творческих и научных поисков. «Итак, русские переселенцы не перенесли в Сибирь светильника искусства, огонь его потух от бушующего таежного ветра. Стало быть, в этой стране придется зажигать его вновь»⁶³. Мечтая преодолеть в «сибирстве» разделение народов по этническим и конфессиональным признакам (путем возвышения над ними), областники намеревались сделать сибирскую историю общей (пусть и небесконфликтной) для всего зауральского населения, устранив членение ее на «дорусский» и «русский» периоды. Грань между эпохами в такой интерпретации не выглядела фатальной, и историческое наследие вплоть до самой древности могло стать достоянием всех сибиряков.
- Областники стремились если не разрушить миф дикости и отсталости дорусской Сибири, то существенным образом скорректировать его. Ведь даже героическая эпоха Ермака и Хабарова плохо сохранилась в исторической памяти сибиряков. По мнению областников, это произошло потому, что такое «начало сибирской истории, в сущности, принадлежит Европейской России»⁶⁴. Безусловно, их не могло не смущать то обстоятельство, что русские «первооткрыватели» Сибири с их «промышленным авантюризмом» стали основой имперского мифа «национального могущества и завоеваний». «Художественный образ Ермака был слабо выяснен самой историей, народные подвиги и народная жизнь исчезали за официальной историей, самая страна рисовалась фантастически в разных напыщенных аллегорических фигурах, — отмечал Ядринцев. — Она похожа была на намалеванный транспарант, который в виде этих произведений надо было выносить как декорум в торжественных случаях и выставлять вместе с депутатами-самоедами и другими племенами покоренного „Сибирского царства“»⁶⁵.

Хотя мотив «покорения» и «освоения» оставался важной доминантой истории Сибири, областников не могла не волновать трагическая судьба культуры коренных жителей Сибири. Не случайно они сосредоточили свое внимание на изучении фольклора сибирских народов, пытаясь отыскать в нем сюжетные связи с христианской мифологией, что позволяло соединить европейское и азиатское в один культурный мир, не противопоставляя «инородцев» славянам⁶⁶. Традиционные описания Сибири, в которых романтический ориентализм и воспевание ее богатств сочетались с демоническим представлением Тартара, суровой сибирской природы и царства холода, не устраивали областников. «Здесь все мешалось, по-видимому, в хаосе несложившейся жизни: благословения, молитва, проклятие и стон. Но нельзя сказать, чтобы и здесь не пробивали дорогу мирные чувства и спокойные радости», — подчеркивали они⁶⁷. Им был нужен совершенно другой образ Сибири, который бы делал ее более привлекательной, но без идеализации.

⁶⁶ Новикова 1998.

⁶⁷ Ядринцев 1980а: 94.

Важную роль в его создании должны были сыграть ориентированные на «родиноведение» сибирские музеи, формирующие и сохраняющие историческую память через «местные предметы». Благодаря музеям можно было заявить права на сибирское прошлое, предлагая свое объяснение (или даже «изобретение», по определению Хобсбаума) традиций, позиционировать себя в качестве защитников и хранителей исторических ценностей. Появившиеся в Сибири в конце XIX в. музеи стали быстро обогащаться находками, а сибирская ментальная карта заполняться знаками «памятных мест». Потанин призывал развивать в «провинциальном обществе уважение к древностям и вообще к предметам науки» (позднее Андерсон назовет это «политической музеизацией»⁶⁸), сетуя «на отсутствие местных музеев, на централизацию науки, опустошительно действующую на умы провинции»⁶⁹. Одновременно нарастали претензии к метрополии, присвоившей себе значительную часть сибирских музейных ценностей. Областники открыто заявляли, что в XVIII в. Г.Ф.Миллер «обобрал все сибирские архивы» (правда, при этом Потанин признавал, что иначе они бы сгорели)⁷⁰.

⁶⁸ Андерсон 2001: 200.

⁶⁹ Письма 1988: 136—137.

⁷⁰ Там же.

Областники не жалели сил для популяризации деятелей сибирской культуры, призывали гордиться именитыми сибиряками, такими как ученый Д.И.Менделеев или художник В.И.Суриков. Не случайно обостренное внимание областников к первым представителям национальной интеллигенции — Ч.Ч.Валиханову, Д.Банзарову, Г.И.Гуркин-Чорос и др. Постепенно становились символами Сибири и сами классики «сибирства» — Ядринцев и Потанин. После смерти Ядринцева Потанин постарался придать его имени как можно больше известности, сам написал объемный очерк о жизни и деятельности своего соратника, подготовил материал для будущей книги. В качестве биографов были задействованы также влиятельный публицист и общественный деятель М.К.Лемке⁷¹, не менее именитый издатель «Исторического вестника» Б.Б.Глинский⁷², историк В.И.Семевский и известный этнограф и журналист Д.А.Клеменц. Вынашивалась идея создания школы имени

⁷¹ Лемке 1904.

⁷² Глинский 1895.

⁷³ Мандрика 2009: 133. Ядринцева⁷³. По мнению современного исследователя М.В.Шиловского, тем самым областники пытались «обзавестись собственным мучеником, вокруг которого можно было бы объединить свои поредевшие ряды»⁷⁴. Уже первое десятилетие со дня смерти Ядринцева они постарались ознаменовать торжественными акциями, новыми памятными публикациями и знаками⁷⁵.

⁷⁴ Шиловский 2004: 166.

⁷⁵ Рафиенко 1997: 53—54.

Не менее показательна и судьба Потанина. По меткому определению писателя Г.Д.Гребенщикова, уже в начале XX в. он стал своего рода «сибирским дедушкой», «хутухтой» — «с тою разницей, что его почитали все племена Сибири, без различия религий, положений и сословий»⁷⁶. В связи с широко отмечавшимся в Сибири в 1915 г. 80-летием Потанина один из лидеров бурятского национального движения Э.-Д.Ринчино назвал его «нашим идейным отцом, дедушкой общесибирской областной интеллигенции без различия национальностей»⁷⁷. Тогда же, в дни 80-летия, в нескольких сибирских городах появились улицы его имени.

⁷⁶ Гребенщикова 2008: 121.

⁷⁷ Цит. по: Шиловский 2008: 193.

Все это должно было вдохновлять сибиряков на служение своей родине, зажигать молодые сердца любовью и готовностью пожертвовать собой во имя великого будущего. Еще в молодые годы Ядринцев запальчиво восклицал: «У нас есть философы, но мало честных фанатиков нашей родной идеи. Российский либерализм есть забава, а не дело...»⁷⁸. Однако с наступлением XX столетия областническая тематика стала тонуть, даже на страницах сибирских изданий, в море либерально-народнических публикаций. Решение наиболее острых реформаторских задач (создание университета, отмена ссылки, судебная реформа, крестьянское переселение и проекты введения земства) сдвигало областническую политику в социально-экономическую сферу, что требовало корректировки самой трактовки Сибири как колонии. Колониальный «этнографизм» должен был уступить место колониальному «экономизму».

⁷⁸ Дело 2002: 116.

В построениях областников процветание Сибири все больше связывалось с расширением финансовых возможностей местных органов. Если финансовые вопросы будут переданы в ведение областной думы, доказывал Потанин, «предприниматели не будут уезжать за тысячи верст от своей области и жить вдали от нее для проведения в центральных канцеляриях своих хозяйственных проектов; держатели денежных фондов будут оставаться в области вблизи от учреждений, заведующих областным хозяйством; собираемое с областной территории богатство будет скопляться в области. Это вызовет потребность в лицах, создающих культурную обстановку; изобретатели, художники, артисты и всякие таланты не будут иметь нужду отправляться в столицы и там искать оценки и фортуны. В областях разовьются свои центры, способные соперничать с столицами»⁷⁹. По мнению областников, Сибирь как «молодое общество» была даже более перспективной для новаций, ведь там можно было обойтись «без ломки укоренившихся понятий, обычаев и привычек, потому что ломать нечего»⁸⁰. И здесь вновь вставал вопрос

⁷⁹ Потанин 1907: 62.

⁸⁰ Там же: 63.

о колониальном статусе Сибири, так как все новое должно было сначала появиться в центре и только после этого транслироваться на периферию. Развиваясь политически, сибирское общество все яснее осознавало, что «прогресс области замедляется условиями, стоящими вне области»⁸¹.

⁸¹ Там же: 64.

Заключение

Хотя Российская империя, а затем и СССР рухнули, новой России удалось сохранить жемчужину своей имперской короны — Сибирь — и благодаря этому остаться великой державой (чего не смогли сделать ни Турция, ни Австрия, ни даже Англия и Франция). Стихийно присоединенное «баснословное пространство» (выражение Ф.Броделя) Сибири осваивалось чрезвычайно медленно, что позволило России принять меры предосторожности, установить свой контроль над народами и землями и тем самым вобрать их в себя и поглотить в своем «материнском лоне»⁸². Сибирь не могла «ускользнуть» от России уже в силу своей экономической отсталости и почти автаркического положения многих ее областей⁸³. Политика империи в отношении Сибири долгое время определялась установкой, что лучше обречь регион на застой, чем допустить туда иностранных конкурентов, способных захватить его экономически или демографически. Такой имперский патернализм выглядел как колониальная политика наоборот, и не случайно областники критиковали центр даже не столько за хищническую эксплуатацию Сибири, сколько за неэффективное ее использование. В отличие от географически и типологически близкой ей переселенческой колонии Канады, Сибирь надолго застряла на первоначальной стадии хозяйственного и социокультурного освоения.

⁸² Ливен 1999: 273.

⁸³ Бродель 1992: 17, 470.

В противоположность «украинскому вопросу», «сибирский вопрос» не перешел в фазу политического сепаратизма, оставшись в рамках требований расширения местного самоуправления и финансово-хозяйственной самостоятельности. Массовое переселенческое движение начала XX в., породившее напряженность в отношениях между старожилами Сибири и новоселами, ослабило политическую остроту сибирской идентичности. На пути единения сибиряков стояли также локальные различия между переселенцами, прибывшими из различных регионов России, особый статус казаков, конфессиональное самообособление старообрядцев и целый ряд других факторов⁸⁴.

⁸⁴ О процессах адаптации и сложных этнических и групповых идентичностях русских в Сибири см. Шелегина 2001/2002; Бережнова 2004.

С началом активного притока в регион (особенно в период революции и гражданской войны) интеллигенции, озабоченной решением общероссийских задач, идея областничества, как с обеспокоенностью отмечал А.В.Адрианов в письме к Потанину, «растворилась» в социально-политических проблемах, «как растворилась интеллигентная группа сибиряков в нахлынувшей массе интеллигенции в Сибирь»⁸⁵, и сибирский областнический проект был отодвинут на задний план более конкурентоспособными национальными и социальными программами.

⁸⁵ Цит. по: Шиловский 2008: 127.

Библиография

- Аблажей Н.Н.** 2003. *Сибирское областничество в эмиграции.* — Новосибирск.
- Агеев А.Д.** 2002. *Сибирь и американский Запад: движение фронтиров.* — Иркутск.
- Американский и сибирский фронт.** 1997. — Томск.
- Андерсон Б.** 2001. *Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма.* — М.
- Анисимов К.В.** 2004. У истоков сибирской темы в русской литературе XIX века: журнал Г.И. Спасского «Сибирский вестник» // *Вестник Томского государственного педагогического университета.* № 3 (40).
- Анисимов К.В.** 2006. Типологические аспекты русской литературы Сибири XIX — начала XX века // *Вестник РГНФ.* № 3.
- Анисимов К.В.** 2009. Климат как «закопный сепаратист». Символические и политические метаморфозы сибирского мороза // *Новое литературное обозрение.* № 99.
- Баберовски Й.** 2004. Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828—1914 гг. // *Новая имперская история постсоветского пространства.* — Казань.
- Бережнова М.Л.** 2004. Этническая идентичность как исторический феномен (на примере этногруппового деления русских Сибири) // *История. Антропология. Культурология: Программы и избранные лекции.* Ч. II. — Омск.
- Бережнова М.Л.** 2007. *Загадка чалдонов: История формирования и особенности культуры старожильческого населения Сибири.* — Омск.
- Бродель Ф.** 1992. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 3: Время мира.* — М.
- Бурдые П.** 2002. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // *Ab Imperio.* № 3.
- Верхотуров Д.Н.** 2009. *Идея сибирской самостоятельности вчера и сегодня.* — М., Красноярск.
- Вуд А.** 1998. Сибирский регионализм: прошлое, настоящее, будущее? // *Расы и народы.* Вып. 24. — М.
- Галактионова Н.** 2009. Формирование региональной идентичности в Тюменской области // *Власть.* № 8.
- Глинский Б.Б.** 1895. *Николай Михайлович Ядринцев.* — М.
- Дедлов В.Л.** 2008. *Переселенцы на новые места. Панорама Сибири. Художественная публицистика.* — М.
- Дело об отделении Сибири от России.** 2002. — Томск.
- Жигунова М.А.** 2006. Образы Сибири и сибиряков по данным этносоциологических исследований конца XX — начала XXI в. // *Образы Сибири в общественном сознании россиян XVIII—начала XXI в.* — Новосибирск.
- Зубков К.И.** и др. 2004. *Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI—XX века.* — М.

Колосов Е. 1916. Два русских областника — М.П.Драгоманов и Г.Н.Потанин (Опыт сравнительного изучения политических программ русских областников) // *Сибирские записки*. № 3.

Крих А.А. 2007. Этносоциальные группы сибиряков в имперской практике XVIII—XIX веков // *Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII — начала XX века*. — Новосибирск.

Крыжановский С.Е. 1993. Проект децентрализации империи // *Посев*. № 4.

Ламин В.А., Резун Д.Я. 1998. Метаморфозы фронта в истории Сибири, Северной Америки и Австралии (К постановке проблемы) // *Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории*. — Новосибирск.

Лемке М.К. 1904. *Николай Михайлович Ядринцев*. — СПб.

Ливен Д. 1999. Россия как империя: сравнительная перспектива // *Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России*. — М.

Мандрика Ю.Л. 2009. Настоящее ядринцевское «Восточное обозрение» // *Петербург газетный: 1711—1917*. — Тюмень.

Могильнер М. 2008. *Ното ипрегii: История физической антропологии в России (конец XIX — начало XX вв.)*. — М.

Москвич. 1897. Новые типы путешественников по Сибири // *Сибирь*. 4.05.

Новикова Е.Г. 1998. Г.Н.Потанин в Томске: филология, Сибирь, Восток и христианство // *Вестник Томского государственного университета*. № 1.

Новоселова А.А. 2000. Кто такие старожилы? (Истолкование термина в современной этнографии) // *Русские старожилы: Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири»*. — Тобольск, Омск.

Обзор русской общественной и провинциальной жизни. 1882 // *Восточное обозрение*. 1.04.

Письма Г.Н.Потанина. 1987. Т. 1. — Иркутск.

Письма Г.Н.Потанина. 1988. Т. 2. — Иркутск.

Письма Н.М.Ядринцева к Г.Н.Потанину. 1918. Вып. 1. — Красноярск.

Полежаев Л.К. 1994. *Вперед на медленных тормозах...* — М.

Потанин Г.Н. 1907. *Областническая тенденция в Сибири*. — Томск.

Потанин Г.Н. 1908. Нужды Сибири // *Сибирь: Ее современное состояние и нужды*. — СПб.

Потанин Г.Н. 1983. Воспоминания // *Литературное наследство Сибири*. Т. 6. — Новосибирск.

Потанин Г.Н. 2008. Зимний сезон 1909—1910 г. в Томске // *Г.Д.Гребенщиков и Г.Н.Потанин: диалог поколений (Письма, статьи, воспоминания, рецензии)*. — Барнаул.

Потанин Г.Н., Васильева М.Г. 2004. *«Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: Переписка.* — Томск.

Рафиенко Л.С. 1997. Мемориальные памятники Н.М. Ядринцева в Сибири // *Культурное наследие Сибири: Материалы I Сибирь-Уральского исторического конгресса (25–27 ноября 1997 г., Тобольск).* — Тобольск.

Резун Д.Я., Шиловский М.В. 2005. *Сибирь, конец XVI — начало XX века: Фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов.* — Новосибирск.

Ремнев А.В. 1993. Университетский вопрос в Сибири в XIX столетии // *Университеты и общественная жизнь Сибири.* — Омск.

Ремнев А.В. 1997. Западные истоки сибирского областничества // *Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли.* — СПб.

Ремнев А.В. 2000. Призрак сепаратизма // *Родина.* № 5.

Ремнев А.В. 2004. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века // *Российская империя: Стратегии стабилизации и опыты обновления.* — Воронеж.

Ремнев А.В. 2007а. Михаил Никифорович Катков в поисках «сибирского сепаратизма» // *Личность в истории Сибири XVII—XX веков: Сборник биографических очерков.* — Новосибирск.

Ремнев А.В. 2007б. 300-летие присоединения Сибири к России: в ожидании «нового исторического периода» // *Культурологические исследования в Сибири.* № 1 (21).

Ремнев А.В. 2010. Ермак как герой: от Сибирских летописей до «Памятника тысячелетия России» // *Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов: История, краеведение, культура.* — Омск.

Ремнев А.В., Суворова Н.Г. 2008. «Русское дело» на азиатских окраинах: «Русскость» под угрозой, или «Сомнительные культуртрегеры» // *Ab Imperio.* № 2.

Ремнев А.В., Суворова Н.Г. 2010. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи // *Полития.* № 3–4 (58–59).

Родигина Н.Н. 2006. *Другая Россия: Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX века.* — Новосибирск.

Родман Б.Б. 1996. Внутренний колониализм в современной России // *Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства.* — М.

Савельева Л. 2005. Истоки сибирского регионального сознания, или о конструировании воображаемой реальности // *Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность.* — М., Иркутск.

Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Николая Михайловича Ядринцева. 1919. — Красноярск.

- Сватиков С.Г.** 1930. *Россия и Сибирь: К истории сибирского областничества в XIX в.* — Прага.
- Сверкунова Н.В.** 2002. *Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования.* — СПб.
- Серебrenников И.И.** 1920. *Сибиреведение.* — Харбин.
- Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX в.** 2004. — Новосибирск.
- Сибирь в составе Российской империи.** 2007. — М.
- Тишков В.А.** *Перепись населения и меняющиеся идентичности* (http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/perepis_na.html).
- Фаденчева М.** 2007. Урал в системе «внутреннего колониализма» // *Свободная мысль.* № 6.
- Хечтер М.** 2000. Внутренний колониализм // *Этнос и политика.* — М.
- Хилл Ф., Гэдди К.** 2007. *Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России.* — М.
- Хрох М.** 2000. Ориентация в типологии // *Ab Imperio.* № 2.
- Чатгерджи П.** 2002. Воображаемые сообщества: кто их воображает? // *Нации и национализм.* — М.
- Шелегина О.Н.** 2001/2002. *Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири: Историко-этнографические аспекты. XVII—XX вв.* Вып. 1—2. — М.
- Шиловский М.В.** 2004. «Полнейшая самоотверженная преданность науке»: *Г.Н.Потанин: Биографический очерк.* — Новосибирск.
- Шиловский М.В.** 2008. *Сибирское областничество общественно-политической жизни региона.* — Новосибирск.
- Эткинд А.** 2002. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // *Ab Imperio.* № 1.
- Ядринцев Н.М.** 1884. Переписка между колонией и метрополией // *Восточное обозрение.* 13.09, 4.10.
- Ядринцев Н.М.** 1980а. Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири // *Литературное наследство Сибири.* Т. 5. — Новосибирск.
- Ядринцев Н.М.** 1980б. Сибирь перед судом русской литературы // *Литературное наследство Сибири.* Т. 5. — Новосибирск.
- Ядринцев Н.М.** 2000. *Сибирь как колония.* — Тюмень.
- Stolberg E.-M.** (ed.) 2005. *The Siberian Saga: A History of Russia's Wild East.* — Frankfurt a. M.
- Watrous S.** 1993. *The Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920 // Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture.* — N.Y.